

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Символика небесных светил в поэтическом тексте А. Ахматовой: лунарная символика

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова ✉, О. Н. Матвеева

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия
✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются основные функции символизма луны в поэзии А. Ахматовой при помощи комплексного описания прямых и вторичных (месяц, лунный луч) наименований небесных светил с позиций функционального своеобразия «космизма», существовавшего в эпоху Серебряного века. Выделяются главные семантические группы с учетом культурологической и индивидуально-авторской специфики, выявляется специфика прямых («луна», «месяц») и семантически связанных («ночное светило», «лунный луч») образов небесного тела, воспроизводится индивидуально-авторская концепция «психологического пейзажа», выступающего в качестве ретранслятора эмоций лирического героя. Обосновываются образы небесных светил как сугубо важной составляющей национальной картины мира, а также системы нравственных и поэтических установок. Номинация небесных тел трактуется как взаимосвязь традиционного и поэтического восприятия мироощущения, реализуемого в творчестве Анны Ахматовой, представителя акмеизма. Вводится гипотеза о том, что солярно-лунарные образы – это неотъемлемая часть поэзии А. Ахматовой, важный элемент «психологического пейзажа», метафорического осмысления исторического контекста. В то же время именно образ «луны» считается как смысловое и семантическое единство по нескольким тематическим группам и представленное широким спектром лексических единиц. Проводится сравнительный анализ сходных и противоположных аспектов, определяется влияние формы (полумесяц, диск) и цвета (зеленый, розовый, серебряный) ночного светила на интерпретацию мифопоэтических представлений, обосновываются индивидуально-авторские концепции в трактовке негативного лунного пространства, взаимосвязи реального и потустороннего мира, актуализируется представление о призрачности и иллюзорности происходящего в ночное время. Выделяются индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой как апокалиптического символа мистического, потустороннего начала. Приводится статистика упоминаний концепта «луна» в поэтическом тексте. Презентуются частные значения концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой, в том числе в качестве фонового пейзажа и символа творчества. Говорится о плодотворности дальнейших наблюдений за интерпретацией небесных светил и иных космических объектов в творчестве А. Ахматовой в аспекте построения художественной модели.

Ключевые слова: эмблема, луна, мифология, поэзия А. Ахматовой, символика, лексика, образные средства, картина мира, лунарные образы, психологический пейзаж.

Для цитирования: Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. Символика небесных светил в поэтическом тексте А. Ахматовой: лунарная символика. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 94–103. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Symbolism of celestial bodies in the poetic text of Anna Akhmatova: moon symbols

G. O. Papsheva, N. V. Golubtsova ✉, O. N. Matveeva

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia,

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Abstract. The article reveals the main functions of the symbolism of the moon in the poetry of A. Akhmatova by means of a complex description of direct and secondary (month, moonbeam) names of celestial bodies from the standpoint of functional originality of "cosmism" that existed in the era of Silver Age. The main semantic groups are singled out taking into account cultural and individual-author specificity, the specificity of direct ("moon", "month") and semantically related ("night light", "moon ray") construct of the celestial body are revealed, the individual-author concept of "psychological landscape" acting as a relay of emotions of the lyrical hero is reproduced. The images of celestial luminaries as a purely important component of the national picture of the world, as well as the system of moral and poetic attitudes are substantiating. The nomination of celestial bodies interpret as an interrelation of traditional and poetic perception of the worldview, realised in the works of Anna Akhmatova, a representative of Acmeism. The hypothesis introduces that solar-lunar images are an integral part of Anna Akhmatova's poetry, an important element of "psychology". Akhmatova, an important element of "psychological landscape", metaphorical comprehension of the historical context. Meanwhile, the image of "moon" that is read as a conceptual and semantic unity in several thematic groups and represented by a wide range of lexical units. A comparative analysis of similar and opposite aspects is carried out, the influence of the shape (crescent, disk) and color (green, pink, silver) of the night luminary on the interpretation of mythopoetic representations is determined, individual author's concepts in the interpretation of the negative lunar space, the interrelation of the real and otherworld are substantiated, the idea of ghostliness and illusory nature of what happens at night is actualised. The poetry of Anna Akhmatova distinguishes individual mythopoetic interpretations of the "moon" as an apocalyptic symbol of the mystical otherworldly nature. The statistics of references to the concept "moon" in the poetic text is given. Akhmatova's poetry explores the personal meanings of the concept 'moon', which include it as a background landscape and a symbol of creativity. It says about the fruitfulness of further observations on the interpretation of celestial luminaries and other cosmic objects in Anna Akhmatova's work in the aspect of building an artistic model.

Keywords: emblem, moon, mythology, poetry of Anna Akhmatova, symbolism, vocabulary, figurative means, picture of the world, lunar constructs, psychological landscape.

For citation: Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N. Symbolism of celestial bodies in the poetic text of Anna Akhmatova: moon symbols. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 94–103. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Введение

Образ неба становится важным в любой национальной картине мира, системе нравственных и поэтических установок. Номинация небесных тел как взаимосвязь традиционного и поэтического восприятия мироощущения [1, с. 62] пронизывает все творчество Анны Ахматовой, поэта-акмеиста, тонкого лирика и мастера поэтических метафор. Солярно-лунарные образы – это неотъемлемая часть поэзии А. Ахматовой, важный элемент «психологического пейзажа», метафора или способ ввести исторический контекст [2, с. 65].

Образ «луны» в творчестве А. Ахматовой представлен широким спектром единиц с единством семантического поля, структурных отношений и сравнительно легко образует тематические группы по значению. В этом заключается актуальность данного

исследования, ставящего целью проявить специфику изображения небесных светил в творчестве А. Ахматовой.

В качестве основной проблемы исследования в определении границ и параметров модели предлагается описание художественного пространства текста, существующего во временных и типологических аспектах символики соляного пейзажа.

Цель исследования состоит в анализе прямых и вторичных (месяц, лунный луч) наименований с позиций структуры, семантики и функциональности в поэтических текстах А. Ахматовой как часть концепции «космизма».

Цель анализа предполагает следующие задачи:

1) воссоздать тематические группы, интерпретирующие образ «луны» в текстах А. Ахматовой согласно культурологической и индивидуально-авторской специфике;

2) актуализировать прямые («луна», «месяц») и связанные по смыслу («ночное светило», «лунный луч») образы небесных светил;

3) реконструировать авторскую модель как часть значимой для творчества поэта концепции «психологического пейзажа», служащего ретранслятором эмоционального напряжения и эволюции внутреннего мира лирического героя;

4) выделить индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой как апокалиптического символа; как мистического, иллюзорного начала; уточнить особую значимость формы (серп, диск, осколок) и цвета (желтый, зеленый, бледный, розовый) ночного светила в поэтическом тексте;

5) актуализировать частные значения концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой, в том числе в качестве фонового пейзажа и символа творчества.

В работе используются следующие методы: описательно-классификационный метод, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; метод структурно-семантический; когнитивный, включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

Материал исследования составляют лексические единицы со значением космических тел (68 наименований «луны»), представленные в поэзии А. Ахматовой.

Семантическая специфика соляного (солнечного) пейзажа

Предваряя собственно анализ, отметим, что лунарный (лунный) пейзаж обычно противопоставлен соляному (солнечному) пейзажу, то есть выявленная взаимосвязь существует в координатах «притяжения-отталкивания», что в свою очередь выразилось в представлении о семейных узлах между солнцем и луной (например, Египет: близнецы Тэфнут (луна) и ее сестра Шу (солнце); Рим: брат и сестра Гелиос (солнце) и Селена (луна) [3, с. 123].

В то же время фольклорные лунарные образы («месяц светлый», «месяц ясный», «луна-девица», «луна-печальница», «луна-купальница») могут вступать в полемику с индивидуально-авторскими особенностями мировосприятия поэта, в результате чего в текстах нельзя не отметить амбивалентность трактовки небесных светил в целом и в творчестве поэта в частности [4, с. 81].

В соответствии с общепринятым представлением луна играет в творчестве А. Ахматовой достаточно значимую роль, отчасти продолжая сходную интерпретацию символики «солнца» в творчестве Н. С. Гумилева [5, с. 99] («луна» как часть «психологического пейзажа», эволюции любовного чувства, мистического начала), вступая в спор с традиционной трактовкой дневного светила, выступающего как источник отраженного света для луны, что, в свою очередь, позволяет говорить о проекциях дневных «солнечных» событий в ночное время [6, с. 82]. В количественном плане упоминание луны в различных словоформах составляет более 40 % от анализируемого контента, при этом «солнце» на практике обладает более широким спектром синонимических понятий («заря», «восход»,

«рассвет», «закат»), в то время как «луна» дает редуцированный круг словоформ [7]. Собственно говоря, в поле исследования оказались два наиболее употребительных концепта: «луна» (и формально близкие «полнолуние», «новолуние», «лунный луч») – около 74 %, «месяц» – 26 %.

Однако, принимая во внимание всю полноту символики, традиционно приписываемую лунному пейзажу, нельзя не отметить его разнообразие. В мифологии луна играет очень неоднозначную роль, с одной стороны, ночное светило трактуется как владычица ночи, «солнце мертвых», покровительница колдовства и темных сил, а с другой стороны, как материнское начало, продолжение рода [8]. Эту двойственность можно увидеть в одно-временном сосуществовании различных ипостасей Луны: Селены (женственность), Артемиды (девственная природа, непорочность), Гекаты (тьма и призраки, иллюзия, обман) [5].

Дополним ряд образов связью Луны и мира грез, столь привлекательного для поэтов и писателей, а также астрономической способностью прибывать, убывать и исчезать, что в свою очередь вызвало цепочку рассуждений о рождении и смерти [2].

Апофатические функции «психологического пейзажа»

Наиболее востребованным среди функционала «психологического пейзажа» в лирике А. Ахматовой оказывается тема грядущего Апокалипсиса, тревожного предчувствия, иносказательное описание смерти. Подобные конструкции составляют около 34 % анализируемого материала.

В сопряжении традиций «психологического пейзажа» и роли «луны» как предвестницы бедствий находит отражение восприятие луны как ретранслятора негативных эмоций, «солнца мертвых» [9].

Диапазон эмоций варьируется от легкой меланхолии, обрамленной раздумьями о будущем, часом «горьких дум» [10, с. 211] до зловещих и вводящих в трепет картин. В неверном свете луны лирическая героиня чувствует смертный зов земли и готова стать ею [11], она пылливо вопрошает, что произошло в заброшенном доме: умер ли хозяин, утонул ребенок [11, с. 142]. Сходно по тону и настроению стихотворение «Ответ», где полутьму новолуния и психологического давления рассеивает скупой свет свечей [10, с. 155]. Этот меланхолический текст кажется милосердной паузой в высоком эмоциональном напряжении, царящем в полном тревоги мире.

Сугубую роль в данной группе играют форма и цвет обозначенного ночного светила. А. Ахматова достигает большой виртуозности в обыгрывании вещных характеристик «луны», это касается и собственно словоформы «луна», и слова-заменителя «месяц». Луна – «обломок перламутра» [12, с. 234], «месяц двурогий», «месяц-лезвие», «лунный лук» – подобные образы сопровождают картины уныния и упадка, унылые пейзажи, где никогда не наступит утро, где тревожно стучат по дороге копыта, вторя биению еще теплого сердца, где бродит загадочный одноногий старик – предвестник беды, пророк последних времен. В подобных конструкциях часто встречается олицетворение: месяц, то умирающий, то едва живой, скучающий, освещает стол с лишним прибором для усопшего, фонари похожи на виселицы, часовой провожает взглядом неверную жену, бредущую домой. Можно отметить, что «месяц» используется преимущественно как подчеркнуто мужское, карающее начало. Оппозиция «мужской-женский» в мифологической традиции присутствует в некоторых сказаниях азиатского востока, где божество луны трактуется как мужское [13]. Более того, серповидная фаза ночного светила в лирике А. Ахматовой подчеркнуто активна, субъектна, обрамлена глаголами: месяц «рассек грозовую завесу», «бросил лезвие», «бросил тусклый взор», «входит в дом», в то время как луна «покоится», «остановилась», «плещется».

Этот сумрачный, лишенный надежды мир окрашен в белые (бледные), зеленые, желтые тона. Хоровод надмогильных кипарисов в зеленой мути луны, пугающий силуэт незнакомца в окне, город, застывший в ядовитом растворе – длинная вереница образов, символизирующих распад и увядание. Желтый цвет связан с болезнью – с желтым

скользит в неверном лунном свете: друг Сандрильоны; мертвый муж, читающий старые письма; загадочный незнакомец, шепчущий из лесной темноты; прозрачный силуэт на пороге, сквозь который видны лунные лучи и пыльная дорога. Луна сравнивается с печатью ночи, закрывающей двери в иной мир [10, с. 339], и в фазы новолуния печать эта может быть сорвана, усопшие посещают мир живых, как умерший друг канатной плясуньи преодолевает границу миров именно в новолуние. Столь же важен и перелом времен, новогодняя ночь, именно тогда оживает, шепчет, плачет, причитает загадочный профиль на белой стене дома [11, с. 199].

Собственно, призраков людей сменяют призраки и тени минувших эпох, «дымные исчадия полнолуний»: Саломея, несущая на блюде голову Крестителя, богиня Афродита, танцующая под луной в лиловом тумане, маркизы и графы, скользящие меж деревьев парка в маскарадной кадрили. Среди образов является даже лермонтовский Демон, но уже побежденный стойкостью девы и униженно молящий о снисхождении [4, с. 70].

Выводы по разделу

Таким образом, данная группа семантически продолжает концепт «луны» как «солнца мира», но тонально и эмоционально отличается от нее. Тема призрачности бытия в лунном свете несет значительно меньше негативных эмоций, обитатели потустороннего мира не несут угрозы, они охотно переступают границы между миром живых, советуют, наставляют. Здесь появляется образ лунатика, бредущего сквозь пространство, колдуньи, преодолевшей границы миров, обрядовой поэзии и ритуальной стилистики (свечи, вода, камни-obelisks).

Эволюция любовного чувства в «психологическом пейзаже»

Следующая группа, также развивающая и распространяющая концепцию «психологического пейзажа», посвящена эволюции и развитию любовного чувства. Интонационно и эмоционально эта группа противопоставлена предыдущим, освещающим тему смерти, страдания, свидания с потусторонним миром [14]. Количественно данная группа практически равна предыдущим и составляет 22% от общего числа проанализированного материала, однако сравнительно с солярной символикой существенно беднее по количеству и наполнению. Отчасти это связано с второстепенной ролью луны как источника отраженного света [4].

Пробуждающееся чувство предстает как священное, очищенное от сиюминутных страстей, это свидание с вечностью, чистая песнь любви, неоцененный клад, вход в великое святилище. При этом сцены, наполненные описанием телесной, физической любви вполне органично соседствуют с невинным трепетом первого поцелуя. Ночь и ее светило снисходительны к человеческим слабостям, они прощают любой грех, особенно совершенный под влиянием любовного трепета в груди. Ночь приносит дары, недоступные дню: можно заснуть огорченной – и проснуться влюбленной [11]. В сущности, мотив физического единения эволюционирует от вполне невинных поцелуев – и преодоления внутренних и внешних запретов («я твоих <...> губ никогда ...не коснулся», «у вас заведено с кем попало целоваться под луной» [10, с. 57; 53] до вполне откровенных сцен, где героиня обещает ночью «одарить небывалыми дарами», пропускает сквозь пальцы «лен светлых волос» возлюбленного, радуется повторению то самой, первой «алмазной» ночи [11, с. 244; 13, 185].

В данной группе встречается несколько устойчивых образов: птица, вино, вода. Летящая в лунном луче птица символизирует тайную тоску и ожидание, само чувство сравнивается с верностью лебединой пары. В обоих случаях образ птицы с кинематографической изощренностью связан с водой: птица в лунном луче кружит над морским берегом, лебедь выступает и как символическая эмблема луны, и как скользящий над водой белый призрак. Тема воды (и вина) логически продолжает традиционную лунарную систему образов, однако данный концепт существенно осложнен дополнительными смыслами. Обещание пить из одного стакана воду и сладкое вино возводится к одному из важных моментов обряда венчания, когда жених и невеста разделяют на двоих символическую чашу. Возможны также аллюзии к религиозному обряду причастия. Характерно, что любовь

объединяет изначально полярные по существу характеры: мужчина «дышит солнцем», а лирическая героиня – «луной» [11, с. 41]. Чаша возникает и еще раз, но уже как символ разделенных страданий, пройденного пути, где за право «присниться друг другу» и «войти в круг лунного света» заплачено честью и кровью [11, с. 326], что, в свою очередь, отсылает к евангельскому отрывку, повествующему о событиях перед Распятием в Гефсиманском саду, о «Чаше страданий» и предательстве Иуды Искарюта. Наконец, вино может служить и символом невинного легкого флирта с «озорным мальчишкой» [11, с. 53].

Следует уделить внимание и столь значимым у А. Ахматовой цветовым и вещным характеристикам. В группе, посвященной эволюции любовного чувства, практически не встречается «месяц», ночь позиционируется как женственное, лирическое начало. Те немногие примеры, где появляется «месяц», привносят ощущение грядущей разлуки, месяц в соответствии с формой воспринимается как нож, серп, отсекающий лишнее. В одном случае, месяц выплывает подобно «алмазной фелукой над встречей-разлукой» [11, с. 249], в другом – месяц подобен финскому зазубренному ножу, символической судьбе, разделяющей влюбленных, которым остается только память о последней «невстрече» [11, с. 233].

К данной фазе луны относятся и нечасто встречающиеся примеры цветовой характеристики: месяц розовый, либо в окружении серых облаков. И в том, и другом случае нарастание негатива в отношениях сохраняется: ожидание у окна кажется постылым, свидания томительными, в цветнике под клубящимися тучами отцветают последние осенние розы. Семантический ряд, связанный с месяцем как эмблемой грядущей разлуки, сохраняется и развивается и в данной группе.

Выводы по разделу

Таким образом, в группе, отслеживающей эволюцию любовного чувства на фоне лунарного пейзажа, собственно «луне» «доверены» позитивные моменты возникновения и развития близости, иногда сугубо телесной, «месяцу» – негативные, навевающие мотивы разлуки и расставания. Тем самым подчеркивается гендерная принадлежность словоформ: пейзаж «луны» всегда женственен и лиричен, мир «месяца» жесток и безжалостен к возлюбленным. Возникают также устойчивые образы птицы, воды, вина. В двух последних прослеживается тенденция к воспроизведению религиозных обрядов венчания, причастия, библейский символизм Чаши страданий.

Частные случаи интерпретации лунарного пейзажа

Значительно менее «популярным» следует признать использование лунарного пейзажа в качестве фонового, без дополнительной психологической составляющей (около 15% об общего числа упоминаний). Отметим, что практически во всех примерах ночное светило выступает в тандеме с другими характерными деталями, оно не самоценно, а реализуется во взаимодействии с деталями ландшафта. Чаще всего это деревья, сельский пейзаж, реже – городская парковая зона: осенние сосны, цветущая черешня, трепещущая осина, еловые лапы в мирном спокойном свете луны или месяца. Иногда встречается вода или иная жидкость: осколок месяца в голубом канале, луна в чаше вина. Наиболее яркий образ создается в стихотворении «Отрывок», относящемся к позднему периоду творчества: «сожженный луной» тополек тянет к небу «распятыя руки», и этот интересный графический набросок примечателен тем, что он выступает как составная часть вполне прозаического сельского пейзажа – пашни, лужи, гуси [12, с. 40]. Характерно, что астрономическая фаза луны и связанные с ней визуальные образы сугубой роли не играют, «месяц» и «луна» используются во вполне равнозначных конструкциях. Цветовые эпитеты не играют роли дополнительной характеристики, а служат для создания интересного колоративного эффекта: рыжий месяц на синем небе [11, с. 53], отражение серебряной луны в чашках кофе и черного вина [11, с. 212]. В одном из примеров можно наблюдать прием персонификации луны из «перламутра, стекла и агата», шествующей по небу под «Лунную сонату» [11, с. 212].

Предваряя общий анализ, упомянем частный случай использования лунарного пейзажа, в количественном отношении не преодолевший десятипроцентного рубежа. Это тема творчества (6%), в которой наиболее ярко проявляются биографические черты

поэта, упоминаются реальные произведения искусства, фамилии современников. Это «вдохновенный Врубель», чертящий профиль лунным лучом [11, с. 219], утаенные строки Лермонтова, стихи собрата по «цеху» – Владимира Нарбута, прочитанные под «черниговской луной» [11, с. 197]. Наконец, в одной из конструкций с лунным пейзажем поэт выступает в роли пророка, повествующего о собственной посмертной судьбе: «и ахматовской звать не будут ни улицу, ни строку» [11, с. 310]. Характерно, что упоминаемый в данной конструкции месяц награжден эпитетом «лукавый», он становится молчаливым соглядатаем того, как лирическая героиня разменивает посмертную славу на сиюминутные интересы [15]. Подобная роль месяца, в свою очередь, продолжает традицию негативной трактовки этой фазы луны в целом.

Выводы по разделу

Таким образом, пейзаж как фоновый элемент для повествования или описания, не выполняя функции дополнительной психологической характеристики, тем не менее создает глубокий и яркий фон для взаимодействия лирического героя с окружающей обстановкой, отображения его чувств, мыслей, воспоминаний. Тема творчества применительно к лунному пейзажу, хотя и не получает большого развития в лирике А. Ахматовой, помогает ввести в ткань поэтического текста биографический и исторический контекст, позволяет воссоздать ощущение духовного братства поэтов.

Заключение

Итак, образ луны по большей части способен передавать эмоциональный и созерцательный опыт лирического героя, что, в свою очередь, подчеркивает индивидуально-авторскую трактовку окружающего пространства, обусловленную мировоззренческими взглядами А. Ахматовой.

Согласно выделенным задачам, сформулируем ряд тезисов:

1. Среди наиболее востребованных тематических групп, обслуживающих функционал лунного пейзажа в поэтических текстах А. Ахматовой с учетом частотности употребления следует выделить функцию негативного предзнаменования и скрытой угрозы (апофатическую), существование и взаимодействие двух параллельных миров – реального и потустороннего, эволюцию любовного чувства.

2. Среди двух основных словоформ, описывающих ночное светило («луна» и «месяц»), несомненно, следует дифференцировать функции и семантику двух фазовых разновидностей лунного пейзажа. В концепте «луны» подразумевается женское начало, в «месяце» – мужское. «Месяц» чаще выступает носителем негативных коннотаций, его специфическая форма обыгрывается как нож, серп, зазубренный осколок, рассекающий ткань мироздания. «Лунный луч» по своему функционалу может выступать и в той, и в иной роли в зависимости от контекста, знаменательно, что именно «луч» благодаря своей форме связан с образом творчества, как метафорический инструмент рисования или письма.

3. Основным средством реализации функций лунного пейзажа становится концепция «психологического пейзажа», опосредованно передающего чувства и эмоции лирических персонажей, философские размышления автора, служащего фоном для развития сюжета, реализуемого в рамках концепции «космизма», взаимосвязи окружающего мира и внутреннего «я» субъекта.

4. Характеризуя индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой, нельзя не отметить преимущественно негативное, недружественное отношение подлунного мира к лирическому герою. Лунарный пейзаж трактуется как тревожное, иллюзорное, мистическое, полное темных предзнаменований пространство. Особую роль играет форма (серп, диск, осколок) и цвет ночного светила (желтый, зеленый, бледный, розовый).

5. Среди частных значений концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой следует выделить фоновое использование лунного пейзажа, где основное значение уделяется не психологической нюансировке смыслов, а цветовому и световому оформлению пространства поэтического текста. Также можно выделить тему творчества, в которой находят отражения факты биографии поэта, реальные имена современников или

духовных наставников (Лермонтов, Пушкин), разделенные временем и пространством, но объединенные чувством общности мыслей и устремлений.

Таким образом, познание окружающего мира через призму художественных образов Луны и Солнца становится ярким отражением как народных традиций, так и индивидуально-авторского сотворения художественного пространства.

Образ лунного пейзажа в лирике А. Ахматовой предстает знаком и символом состояний человеческой эмоциональной сферы: дерзания, упорства, печали, иллюзорности окружающего мира. Жизнь, которую знаменует собой солнце, противопоставлена мрачному безвременью луны, вечному движению от надежды к отчаянью, от отчаянья к надежде. Ночь не становится вместилищем спокойствия и тишины, она полна яростной и яркой жизни, полной призраков, колдовства, взлетов и падений любовного чувства, и познание этого исполненного великой тайны пространства становится целью и смыслом поэзии.

Л и т е р а т у р а

1. Джаубатырова, Т. И. Символическое значение образа Луны в произведениях русской классической литературы / Т. И. Джаубатырова // Лучшая научная статья 2021 : сборник статей IX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 64–67.
2. Бурдина, С. В. Гумилевские подтексты в поэмах А. Ахматовой / С. В. Бурдина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 79–87.
3. Турскова, Т. А. Новый справочник символов и знаков / Т. А. Турскова. – Москва : Рипол-Классик, 2003. – 798 с.
4. Сапелкин, А. А. Образ Луны в романтической поэзии : две тенденции в рамках одного жанра / А. А. Сапелкин // Вестник Пермского университета : Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2(22). – С. 103–110.
5. Полная энциклопедия символов / Составитель : В. М. Рошаль. – Москва : АСТ, 2018. – 704 с.
6. Пчелов, Е. В. Солнце и Луна в бестиарной символике русской культуры / Е. В. Пчелов // Бестиарий антитез : Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Бестиарий Антитез», Москва, 19–20 января 2018 года. – Москва : Аквариус, 2019. – С. 80–85.
7. Чжу Чжисюе. Лексические и фразеологические репрезентации концептов небесных светил в художественной картине мира романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Чжу Чжисюе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – № 7 (204) – 2019. – С. 63–71.
8. Пасько, Ю. В. Поэт «Под небом и над землей» : небо как пространство мифа в поэзии Марины Цветаевой / Ю. В. Пасько // Вестник Томского государственного педагогического университета. – №11 (188) – 2017. – С. 161–169.
9. Папшева, Г. О. Символика небесных светил в поэтическом тексте Н. С. Гумилева : солярная символика / Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, О. Н. Матвеева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2022. – № 3 (89). – С. 99–110.
10. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 1. Стихотворения (1904–1941) / составитель Н. В. Королева. – Москва : Эллис Лак, 1998. – 968 с.
11. Ахматова А. Бег времени : избранные произведения / А. Ахматова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 384 с.
12. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 2. Кн. 2 Стихотворения (1959–1966) / составитель Н. В. Королева. – Москва : Эллис Лак, 1999. – 528 с.
13. Хайруллин, Р. З. Мифологизм астральных образов солнца и луны в современной татарской литературе / Р. З. Хайруллин, Р. Х. Шарьяфетдинов // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 113–120.
14. Станиславская, С. А. Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой) / С. А. Станиславская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 166–170.
15. Радомская, Т. И. Образ света : поэтика древнерусской книжности в художественных текстах русской литературы постреволюционных десятилетий (М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак) / Т. И. Радомская // Вестник славянских культур. – 2021. – Т. 62. – С. 174–183.

References

1. Jaubatyrova, T.I. (2021). *The symbolic meaning of the image of the Moon in the works of Russian classical literature*. Penza: The best scientific article 2021: collection of articles of the IX International Research Competition, 30, pp. 64-67.
2. Burdina, S.V. (2018). Gumilyov's subtexts in the poems of A. Akhmatova. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 10(1), pp. 79-87.
3. Turskova, T.A. (2003). *The new handbook of symbols and signs*. Moscow: Ripol-Classic.
4. Sapelkin, A.A. (2013). The image of the Moon in romantic poetry: two trends within one genre. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, (2), pp. 103-110.
5. Roshal, V.M. (ed.) (2018). *The Complete Encyclopedia of Symbols*, Moscow: AST.
6. Pchelov, E.V. (2019). *The Sun and the Moon in the bestial symbolism of Russian culture, Bestiary of Antithesis: A collection of articles based on the materials of the international scientific conference "Bestiary of Antithesis"*. Moscow, pp. 80-85.
7. Zhu Zhixue (2019). Lexical and phraseological representations of the concepts of heavenly bodies in the artistic picture of the world of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 7 (204), pp. 63-71.
8. Pasko, Yu.V. (2017). The poet "Under the sky and above the earth": the sky as a space of myth in the poetry of Marina Tsvetaeva. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 11(188), pp. 161-169.
9. Papsheva, G.O., Golubtsova, N.V. and Matveeva, O.N. (2022). The symbolism of the heavenly bodies in the poetic text of N. S. Gumilyov: solar symbolism. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*, 3(89), pp. 99-110.
10. Akhmatova, A. (1998). *Collected works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems (1904-1941)*. Moscow: Ellis Luck.
11. Akhmatova, A. (2018). *Running of time: selected works*. Saint Petersburg: Azbuka.
12. Akhmatova, A. (1999). *Collected works: in 6 volumes. Vol. 2. Poems (1959-1966)*. Moscow: Ellis Luck.
13. Khairullin, R.Z. and Sharyafetdinov, R.H. (2018). Mythologism of astral images of the sun and moon in modern Tatar literature. *Bulletin of the Mari State University*, 16(1), pp. 113-120.
14. Stanislavskaya, S.A. (2021). Antithesis as a structural and semantic principle of the organization of a poetic text (based on the poetry of Anna Akhmatova). *News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 21(2), pp. 166-170.
15. Radomskaya, T.I. (2021). The Image of Light: the poetics of Ancient Russian literature in the artistic texts of Russian literature of the post-revolutionary decades (M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, A. Akhmatova, B. Pasternak). *Bulletin of Slavic Cultures*, 62, pp.174-183.

ПАПШЕВА Галина Олеговна – к. филол. н., преп. каф. русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

PAPSHEVA Galina Olegovna – Candidate of Philological Sciences, Lecturer of Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.

ГОЛУБЦОВА Надежда Васильевна – преп. кафедры русского языка, «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

GOLUBTSOVA Nadezhda Vasilyevna – Lecturer of the Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна – преп. каф. русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: kashkolga@yandex.ru

MATVEEVA Olga Nikolaevna – Lecturer of the Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.